

УДК 94(5-191.2):355 (575.2) (04)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ФОРТИФИКАЦИОННОГО ИСКУССТВА
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XIX в.

В.П. Янишин

Рассматриваются особенности развития фортификационного искусства в Центральной Азии в XIX в. на примере кокандских крепостей.

Ключевые слова: фортификационное искусство; фасы; барбетты; крепости; башни; гарнизоны; амбразуры; бойницы.

Центральная Азия с древности являлась одним из ранних очагов цивилизации и поэтому неудивительно, что здесь были созданы и развиты определенные рода войск, их вооружение и тактическое применение. Так, по всей видимости, именно в данном регионе впервые появилась легкая и тяжелая кавалерия, – символ могущества того или иного государства. Однако развитие фортификационного искусства в Центральной Азии проходило значительно медленнее, чем на Ближнем Востоке и Средиземноморье. В первую очередь это объясняется тем, что, являясь форпостом оседло-земледельческой цивилизации, местные государства – Хорезм, Бактрия, Согдиана, Маргиана – в основном сталкивались с кочевниками, чья конница, как правило, была неспособна к взятию крепостей и городов. Подчинение же местных государств более сильным земледельческим империям до эпохи тюркских каганатов носило в основном временный характер и по сути в большей степени являлось помощью в борьбе с кочевниками, чем порабощением.

Впрочем, и постоянный приход все новых и новых тюркских, а затем монгольских народов в VI–XV вв. воспринимался местным населением не как смертельное принципиальное противоборство, а как временная проблема. При этом массовое переселение кочевников создавало условия, при которых длительное сопротивление в укрепленных местах не имело особого смысла, так как практически всегда у пришельцев было достаточно времени, чтобы взять крепость или город измором. К тому же, многочисленные и богатые города очень зависели от международной торговли и, следовательно, им было выгоднее признать относительно номинальную власть того или иного кагана, чем яростно ему сопротивляться. Поэтому неудивительно, что

созданный тип фортификации в данном регионе еще в середине 1 тыс. до н.э. – цитадель от одного до трех колец крепостных стен, столько же рвов – дошел практически без изменений до XIX века. При этом надо учитывать тот факт, что именно в противостоянии сил обороны и нападения развивается фортификационное искусство. Так, в Передней Азии фортификация также незначительно совершенствовалась до IX–VII вв. до н.э., когда Новоассирийская держава создала мощные и разнообразные осадные орудия, что повлекло за собой усиление оборонительных средств.

Наибольшего пика развития средства обороны и нападения достигли в эпоху античности, после чего в Западной Евразии в раннее средневековье наступает глубокий упадок фортификационного искусства. Однако развитие экономики и соответственно городов, рост численности городского населения, создание централизованных государств в Западной Европе – все это приводит к совершенствованию осадной техники и, следовательно, к развитию фортификации. Важнейшую роль в этом сыграла артиллерия, благодаря которой резко сократились темпы осадных работ, а дальнейшее ее развитие заставляло все быстрее находить адекватный ответ при помощи фортификационного искусства.

Подобная интенсификация развития средств обороны и нападения, характерных для Европы в XV–XIX вв., фактически обошла стороной Центральную Азию. Одним из факторов, обуславливающих такое положение дел, являлось стремление местных правителей брать города и крепости путем осады, а не штурма, чтобы сохранить их экономический потенциал для последующего использования.

Другим перманентным фактором, не способствующим развитию фортификации, было то, что

основным противником продолжала оставаться конница кочевников, против которой вполне достаточными являлись самые примитивные фортификационные сооружения. К тому же некоторые территории в регионе были малодоступны для врага в силу своего географического и климатического положения (Хива, Туркмения, Таджикистан). Помимо этого к началу XIX в. в Центральной Азии сложилась следующая ситуация: Бухарский эмират по своему военно-экономическому потенциалу являлся безусловным лидером, единственным его соперником стало Кокандское ханство, которое в основном направляло свои усилия на подчинение кочевников-кыргызов и казахов. Внешних серьезных угроз не было (поход Назир-шаха явился редким исключением).

Основным источником по истории развития фортификационного искусства в Центральной Азии в XIX в. являются описания русскими военными кокандских крепостей и городов, так как Бухара практически не стремилась к непосредственному господству над кочевниками (казахами и туркменами) и, следовательно, в отличие от Коканда, не проводила массовую постройку крепостей. При Алимхане и Омар-хане в первой четверти XIX в. границы ханства серьезно расширились – были подчинены территории от среднего течения р. Сырдарьи до Чуйской долины, а при Мадали-хане (1822–1842) в состав Коканда вошли Чуйская и Иссык-Кульская долины, Центральный Тянь-Шань, Семиречье. Также расширились владения за счет таджикских областей. Для контроля за столь обширной территорией необходимы были многочисленные укрепленные пункты, т.е. крепости, строительство которых и развернулось в 10–40-е гг. XIX века.

Крепости и укрепления четко группировались по районам. На среднем течении р.Сырдарьи расположились Ак-Мечеть (главаня), Мамасеит-курган, Чин-курган, Кумыш-курган, Кош-курган, Дин-курган, Яны-курган, Беглербег, Шайдан; в районе Ташкента – Криучин, Ниязбек; в Семиречье – Тоучубек, Кастек; в Чуйской долине – Пишпек, Токмак, Аксу, Ит-Кечу, Мерке, Чалдывар, Шиш-Тюбе, Ашмара; в Таласской долине – Аулие-ата, Уч-курган, Чулак-курган, Сузак; в Прииссыкулье – Санташ, Каракол, Барскаун, Конур-Улан, Кызыл-Ункур у с. Долинка; в Кетмень-Тюбе – Улуг-Коргон (или Узун-Ахмат), Беш-Кемпер; в Центральном Тянь-Шане – Куртка, Джумгал, Кочкор, Атбаши, Тогуз-Тороо, Тюря-курган, Кучуанды, Бугучу; в Ферганской долине – Махрам, Мады, Яр-Мазар, Исфана, Кан, Янги-курган, Чартак, Кштут; на Алае и Памире – Гульча, Суфи-курган, Кызыл-курган, Дараут-курган, Таш-курган, Бустан-Терек. При

этом надо отметить, что не все укрепления известны в источниках по названиям, часть из них осталась безымянной.

По мнению Проценко, который наиболее полно исследовал кокандские укрепления в Чуйской долине и Центральном Тянь-Шане, они делились на три разряда: 1) пикеты (Аксу, Шиш-Тюбе, Ит-Кечу) с фасом не более 40 м; 2) своеобразные районные крепости (Мерке, Токмак, Джумгал, Куртка); 3) крупные крепости-оплоты (Пишпек) [1, с. 21–23]. Однако, если судить по размерам, то первый и второй тип мало отличались друг от друга. Малые кокандские укрепления можно подразделить на два вида: у первого фаса имели длину 25–40 м, а у второго – 80–120 м. К первым относились – Мамасеит-курган, Чин-курган, Кумыш-курган, Кош-курган, Аксу, Ашмара, Джулек, Шиш-Тюбе, Ит-Кечу, к которым, по всей видимости, можно отнести еще Чалдывар, Дараут-курган, Каракол, Барскаун, Конур-Улан, Кызыл-Ункур у с. Долинка, Чулак-курган, Улуг-коргон, Беш-Кемпер, Кочкор, Атбаши, Тюря-курган, Кучуанды, Бугучу, Мады, Яр-Мазар, Кан, Кштут, Янги-курган, Чартак, Гульча, Суфи-курган, Кызыр-курган, Таш-курган, Бустан-Терек, Яны-курган, Беглербег, Шайдан. Ко вторым – Ниязбек, Санташ, Тогуз-Тороо, Джумгал, Тоучубек (Алматы), Дин-курган и скорее всего – Уч-курган, Сузак, Исфана, Кастек.

Следующие укрепления – “районные” крепости – по своим размерам были сходны со вторым, более крупным типом мелких укреплений, т.е. по периметру 280–420 м [2, с. 59–60]. Поэтому основным отличием служило наличие цитадели, которой, как правило, не было в малых крепостях. К этим “средним” фортам можно отнести Токмак, Куртку, Мерке, Махран, Чиназ, Криучин, возможно, Джумгал и Тогуз-Тороо.

Крупными крепостями и одновременно административными центрами являлись Ак-Мечеть, Пишпек, Аулие-ата, из которых значительно меньше был Пишпек (в 1859 г. – фаса около 130 м [3, л. 2]; в 1862 г. – более 200 м [1, с.24]. В то же время Аулие-ата имел фас около 500 м [2, с. 58–59], у Ак-Мечети периметр первого вала составлял около 1600 м (т.е. фас – около 400 м), а второго – около 1 км (фас – около 250 м) [4, л. 13 об].

Помимо чисто военных крепостей крупными укрепленными пунктами являлись города, протяженность крепостных стен которых, естественно, была гораздо больше. Так, окружность г. Коканда достигала 25 км, а у Ташкента – около 20 км, в то время как периметр Бухары составлял всего 10 км [5, с. 53]. Напротив же, размеры бухарских крепостей, как правило, превышали кокандские и явля-

лись более укрепленными и продуманными фортификационными сооружениями [6, с. 216–217].

Конструкция. Строительным материалом для малых фортов, впрочем как и для всех остальных фортификационных сооружений в Центральной Азии, являлась глина. По углам обычно строились башенки или полукруглые выступы типа барбетов [7, с. 179; 2, с. 56]. Как правило, укрепления были огорожены рвом [8, с. 154]. Выше уже отмечалось, что цитаделей в подобных укреплениях не было и защитой являлся один пояс крепостных стен. Правда, у крепости Тоучубек появилась вторая стена после похода Гутковского в 1850 г. [2, с. 131]. Бойницы в стенах редко проделывались. Единственным исключением являлась крепость Ниязбек, где в некоторых местах они были сделаны даже в два яруса [6, с. 155]. Высота стен колебалась от 3 до 4,5 м [9, с. 371; 10, с. 13], выделяется опять же Ниязбек, стены которого возвышались более чем на 6 м [6, с. 155]. Толщина стен малых укреплений довольно серьезно варьировала: от 1,2 до 10 м (Ниязбек), но в основном в пределах 3–4 м у основания [3, л. 4; 1, с. 27].

“Средние” крепости в целом были подобны малым фортам. Основным отличием являлась цитадель и большее количество башен. Так, помимо башен по углам внешней стены, в Махраме и Мерке встречались башни и посередине фасов [1, с. 22; 11, с. 229]. В то же время внешняя стена Токмака башен не имела, а в цитадели их было 6 [6, с. 126]. Бойницы, как правило, отсутствовали во внешней стене и находились в цитадели, поэтому, для того чтобы вести огонь с первой линии обороны использовались крыши помещений вдоль стены, прикрытые накатниками из жердей вереска и слоем глины толщиной 45–60 см [1, с. 22]. Снаружи стену окружал ров до 6 м глубиной и шириной до 10 м [6, с. 126]. Высота внешних стен составляла 5–6 м, стены цитадели возвышались на 1–1,5 м, а высота башен, в которых имелись амбразуры для мелкокалиберных пушек, составляла около 8 м [1, с. 22; 6, с. 126; 12, с. 44].

Особняком стоит крепость Махрам, высота стен которой – до 10 м [11, с. 229]. Толщина стен также серьезно колебалась, как и у малых фортов, и была примерно такой же. Особенностью же являлось то, что толщина стен цитадели была значительно тоньше (1,2 м), чем у внешних стен, несмотря на более значительную высоту [6, с. 126]. Бухарская же крепость Нау, в отличие от кокандских, имела тройной ряд стен [6, с. 216].

Крупные крепости по типу также мало отличались от “средних” укреплений. В основном отличие заключалось в том, что наружная стена

имела всегда башни по углам, иногда ими прикрывали ворота (Аулие-ата), количество которых было 3 (Ак-Мечеть) или 4 (Аулие-ата), в то время как Пишпек и в этом отношении копировал более мелкие крепости с одними воротами. Вообще надо отметить, что практически все кокандские крепости и форты имели одни ворота, что абсолютно не способствовало проведению вылазок, а следовательно, обрекало гарнизоны на пассивную оборону. Помимо этого в стенах были бойницы, правда, довольно узкие, из которых можно было стрелять только прямо, а в башнях находились амбразуры более широкие, что позволяло немного поворачивать орудия по сторонам [1, с. 24]. Наиболее низкой высота внешней стены была у Пишпека (4 м), что опять сближало его с более мелкими укреплениями. Цитадель Пишпек имела в 1859 г. стены высотой более 6 м [3, л. 5], но после его взятия и разрушения русскими войсками в 1860 г. высота их резко увеличилась и составляла от 14 до 19 м [13, с. 262]; толщина внешней стены в 1859 г. у основания составляла около 4 м, а сверху – 1,5 м; в 1861 г. при восстановлении она была увеличена до 10 м. Таким образом, внешняя стена стала похожей по сечению на квадрат [13, с. 262], толщина же стен цитадели в 1861 г. была пропорционально увеличена с высотой и стала очень большой – у основания до 14 м [13, с. 262]. В целом же надо отметить, что высота и толщина стен “второго” Пишпека, как внешних, так и внутренних, намного превосходила все фортификационные сооружения Центральной Азии в XIX в., хотя по сравнению с “первым” стены Ак-Мечети и Аулие-аты были выше (7–8 м), и цитадель Ак-Мечеть возвышалась более чем на 9 м [4, л. 13 об].

Сравнивая же крупные кокандские крепости с бухарскими – Ходжент, Ура-Тюбе, Джизак, – приходишь к выводу, что если высота и толщина стен были примерно одинаковыми, то фортификационное устройство было более продуманным. Так, в отличие от кокандских крепостей, бухарские, как правило, имели тройной ряд стен, которые возвышались одна над другой; помимо башен имелось множество барбетов и наружных построек, хорошо фланкирующих рвы, количество которых обычно равнялось трем, а передний ров имел местами глубину до 8,5 м (Джизак) [6, с. 242].

Фортификационные сооружения городов в общем повторяли схему крепостей, только высота стен была более значительной – 8 м. Однако, в отличие от крепостей, их стены и башни в намного большей степени оставались архаичными, унаследованными от доорудийной эпохи (Ташкент, Чимкент, Туркестан, Коканд), что резко ограничивало

возможность сопротивляться при обороне от русских войск.

Как уже отмечалось выше, осады в Центральной Азии не преследовали цель добиться разрушения оборонительных сооружений, а сводились, в основном, к блокаде в надежде взять крепости или города измором. Незнакомые даже с осадным опытом турок и персов, кокандцы и бухарцы абсолютно не придавали значения окружающему ландшафту их крепостей. Так, вокруг Мерке имелись овраги, ложбины и высоты, дающие возможность противнику выгодно расположить войска и батареи [1, с. 23]. Такие же ложбины и арьки, а также рощи окружали Пишпек, что позволяло беспрепятственно подойти к стенам на 200–250 м [1, с. 26]. Другой особенностью фортификации в регионе являлось то, что все укрепления не были приспособлены для противодействия нависшему обстрелу из мортир, что и стало основным средством по их взятию русскими войсками.

Гарнизоны. Количество войск в малых фортах, как правило, составляло 20–60 чел., так как в первую очередь на них возлагались надзирательные функции, хотя иногда солдат было еще меньше – в 1852 г. в Чин-кургане находилось 12 чел., в Яны-кургане в 1853 г. – 3 чел., в Кош-кургане в 1852 г. – 4 чел. [14, с. 213]. Такое положение дел объяснялось тем, что если все в округе было спокойно, то джигитов распускали по домам [9, с. 371]. Напротив, если возникала серьезная опасность, то гарнизоны увеличивались до 150–370 чел. [14, с. 267–308; 12, с. 44; 15, с. 114].

Несколько больше солдат состояло в гарнизонах “средних” крепостей – от 200 до 400 чел. [1, с. 22; 8, с. 188; 12, с. 44]. В тех же пропорциях увеличивалось количество воинов в крупных крепостях: в 1860 г. гарнизон Пишпека составлял около 650 чел. [16, л. 46], а в 1862 г. – около 1 тыс. чел. [14, с. 272]; в Аулие-ате в 1863 г. – 700 чел. [17, с. 206]; в Ак-Мечети в 1853 г. – 300 чел. [14, с. 221]. Последняя крепость по количеству воинов более походила на “средние” крепости, что объяснялось отдаленным ее положением и труднодоступностью для крупных сил противника.

Благодаря более значительным размерам городов их гарнизоны намного превосходили гарнизоны крепостей. Так, в первой половине 60-х гг. XIX в. в Коканде находилось 6 тыс., а в Ташкенте – 4 тыс. воинов [8, с. 188]. В более мелких городах соответственно были и меньше гарнизоны – Туркестан (600 чел.) и Чимкент (950 чел.) [8, с. 188], хотя если шли активные боевые действия на открытом пространстве, то в городах могли сосредотачиваться более крупные контин-

генты. Так и произошло в 1864 г., когда Алымкул оставил в Чимкенте 10 тыс. чел., что, впрочем, не помогло, и город был взят штурмом [11, с. 83]. Отличительной особенностью Бухары являлось то, что даже в относительно небольших крепостях (по сравнению с городами), как правило, сосредоточивались крупные соединения. Так, в 1866 г. в Джизаке находилось 10–11 тыс. чел. [6, с. 244], в Ургуте в 1868 г. – 6 тыс. чел. [7, с. 265], а в Шаре и Китабе в 1870 г. – до 8 тыс. чел. [7, с. 280].

Вооружение. В плане артиллерийского обеспечения кокандские и бухарские крепости как малые, так и средние, были весьма похожи – пушки отсутствовали. Защищались же эти укрепления в основном крепостными ружьями (турки) и фальконетами [1, с. 21; 12, с. 44; 14, с. 262], исключениями являлись Чиназ, Мерке, Ниязбек, Нау, Зааман [1, с. 22; 6, с. 156, 216].

В крупных крепостях обычно находилось несколько орудий (до 10 пушек), хотя в Ак-Мечети в 1853 г. было всего 3 небольших медных пушки [14, с. 221]; в Пишпеке в 1860 г. было взято 5 медных орудий, 11 небольших чугунных фальконетов без лафетов и 49 крепостных ружей [16, л. 45], а в 1862 г. трофеями стали 5 больших медных орудий, 1 большая мортира, 2 гаубицы, 4 небольших чугунных орудия, 10 фальконетов [18, л. 67]. В Аулие-ате к моменту взятия находилось 5 больших и 3 мелких пушки, до 50 заильчей и фальконетов [6, с. 286].

В городах благодаря большой протяженности стен количество орудий, как правило, было значительно больше. Так, в Чимкенте было взято 19 больших чугунных орудий, 4 медных, 8 мортир большого калибра [6, с. 148]; в Ташкенте – 63 орудия, из них: 48 медных, в том числе 1 восьмипудовая мортира [6, с. 169]; хотя Туркестан по своему вооружению был более похож на крепости, чем на город – 4 пушки и 20 фальконетов [7, с. 221].

Бухарские города также имели многочисленную артиллерию по местным меркам: в Джизаке – 12 медных, 11 больших и 30 малых чугунных орудий [6, с. 252]; в Ура-Тюбе – 16 больших и 16 малых орудий [6, с. 241]; в Ходженте – 13 орудий [14, с. 354]; в Китабе и Шаре – 29 орудий [14, с. 508].

Дальность стрельбы кокандских и бухарских орудий была довольно значительной – 2 км [16, л. 33], а крепостные ружья (турки и заильчи) – на 800 м [6, с. 128]. Однако эти показатели резко снижали тактические приемы применения артиллерии при обороне, так как пушки вели огонь только на раз и всегда установленных позициях, вертикальной наводки не было [19, с. 319]. Помимо этого низкого качества боеприпасы (порох и ядра) также не способствовали качественной стрельбе [3, л. 6].

Следует отметить, что в отличие от Бухары огнестрельное оружие в кокандских летописях начинает упоминаться лишь с конца XVIII в., причем сначала применялось только ручное оружие, пушки же появляются позже – на рубеже 20–30-х гг. XIX в., поэтому долгое время параллельно с ними употреблялись метательные машины – манджанык [20, с. 77].

Выводы:

1. Фортификационное искусство в Центральной Азии (Бухара, Коканд) в XIX в. развивалось крайне медленно, во многом оставаясь на средневековом уровне, чему в немалой степени способствовала определенная географическая изолированность и консервативность мышления, препятствующие внедрению новых способов военного искусства.
2. Несмотря на применение артиллерии (особенно в Бухаре), фортификационные сооружения, как правило, не были приспособлены практически для защиты от обстрела орудий, особенно от нависного огня мортир.
3. Кокандские и бухарские крепости, как правило, были лишены возможности вести активную оборону (совершать вылазки), что обуславливалось тем, что они в первую очередь рассматривались в качестве административных центров, а не как военные сооружения.
4. Благодаря вышеизложенным факторам местные укрепления оказались фактически беззащитными перед немногочисленной русской артиллерией, что приводило к достаточно быстрому их взятию.

Литература

1. Причуйская страна 1862 года (составлено штабс-капитаном Проценко по рекогносцировке 1862 г.) // РГВИА. Ф.400. Аз. части. Оп. 1911 (2). Ед. хр. 42.
2. *Джамгерчинов Б.* Очерк политической истории Киргизии 19 века (перв. пол.). Фрунзе, 1966.
3. Описание Кокандской военной линии на р. Чу М.И. Венюковым. 15.06.1860 г. // ЦГА КР. Ф.и. 75. Оп. 1. Д. 51.
4. Дело по предмету произведенной в 1852 г. рекогносцировке вверх по правому берегу реки Сыр-Дарья // ГАОО РФ. Ф. 6. Оп. 18. Ед. хр. 232.
5. История Узбекистана в источниках // Узбекистан в сообщениях путешественников и ученых (20–80-е годы XIX в.) / Сост. Б.В. Лунин. Ташкент, 1990.
6. *Романовский Д.И.* Заметки по среднеазиатскому вопросу. СПб., 1868.
7. *Макшеев А.И.* Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб., 1890.
8. *Джамгерчинов Б.* Присоединение Киргизии к России. М., 1959.
9. *Федченко А.П.* Путешествие в Туркестан. М. 1958.
10. *Северцов Н.А.* Месяц плена у кокандцев. СПб., 1860.
11. *Абаза К.К.* Завоевание Туркестана. СПб., 1902.
12. Пути из Заилийского края в Кашгарию: 1862 год (составлено штабс-капитаном Проценко) // РГВИА. Ф. 400. Аз. части. Оп. 1911 (2). Ед. хр. 42.
13. Кыргызстан – Россия. История взаимоотношений (XVII–XIX вв.) // Сборник документов и материалов. Бишкек, 1998.
14. *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии: в 3 т. Т 1. СПб., 1906.
15. *Плоских В.М.* Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977.
16. Описание военных действий в Заилийском крае в 1860 году (составлено полковником Циммерманом, ноябрь 1860 г.) // ЦГА КР. Ф.и. 75. Оп. 1. Д. 51.
17. *Джамгерчинов Б.* Очерки политической истории Киргизии 19 века. Фрунзе, 1966.
18. Донесение командующего Сибирским корпусом генерала Дюгамеля военному министру Д.А. Милютину о осаде и взятии крепости Пишпек. 16.11.1862 г. // ЦГА КР. Ф.и. 75. Оп. 1. Д. 51.
19. *Бларамберг И.Ф.* Воспоминания. М., 1978.
20. *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.